

На театральном погосте

«Как ощущение?» — спросил я.
«Прекрасно!» — ответил он и не сдержал улыбки, прямо-таки разлившейся по его лицу. Еще немного помедлил и добавил: «А как еще может быть? Ведь я теперь при работе...»

За пять минут до этого миллионтервью мой собеседник, сидя за пультом огромного бульдозера, аккуратно, так, чтобы не захватить соседнюю улицу, движение по которой даже не было перекрыто, сест полстены довольно мрачного, с потемневшим от времени и копоти фасадом строения, как раз на перекрестке 45-й стрит и Бродвей.

Строение было театром. Никто не орал бульдозеристу в лицо, что он варвар. При чем здесь он? Он ухватился за эту работу потому, что много месяцев у него не было никакой другой.

Люди не кричали: «Варвар!». Они стояли молча. За них кричали плакаты, которые судорожно трепал весенний ветер, вздымая груды пыли с театрального погоста. И лозунги на этих плакатах, лозунги-проклятия были обращены не к рабочим-разрушителям (назвать их строителями не поворачивается язык), а к тем, кто нанял их.

Лет через пять здесь будет гостиница. Шикарная, фешенебельная гостиница на две тысячи двадцать мест (стояность номеров пока предсказывать опасаются: инфляция бушует в США). Гостиница нависнет над Бродвеем многоэтажным монстром, похоронив под собой сразу пять театров. Три уже снесли. Два других — «Мороскоу» и «Хелен Хейз» — авторам и владельцам архитектурного проекта до последнего времени убрать не удавалось: слишком мощное движение протеста развернулось в американском театральном мире.

День за днем, ночь за ночью, на протяжении нескольких недель у подъезда «Мороскоу» стояли демонстранты. Демонстранты необычные — звезды американского театра и кино, те, кто когда-то был

вращен как художник на подмостках «Мороскоу» или «Хелен Хейз», те, чьим пьесам была дана путевка в жизнь и к славе именно здесь, на перекрестке 45-й и Бродвей.

Назвать эти театры историческими не было бы преувеличением. Они создавали известность театральному искусству США, они стояли у истоков того, что сейчас просто именуется «Бродвеем» — не об одной из полутора десятков манхэттенских алеек идет в данном случае речь, о средоточии всего лучшего и худшего, что есть в американском театре.

Театры эти существовали чуть ли не с начала века. Сквозь рваные дыры, выведенные челюстями бульдозера в плотной кладке стены, какие-то мгноновения еще можно было представить пышные кресла, обитые малиновым плюшем, роскошные своей тяжестью и изобилием хрусталя и бронзы люстры, низко свисавшие с потолка, краешек сцены...

Как говорят актеры, которым довелось выступать здесь, по акустическим данным ни «Мороскоу», ни «Хелен Хейз» нельзя сравнить ни с одним

из других театров Нью-Йорка. «Зрителям не приходилось напрягаться, чтобы услышать твой голос, — вспоминает Колин Дюжерст. — Только тот, кто играет на сцене, способен понять, насколько это важно. Для актера это чувство, просто не передаваемое словами. Перед тобой аудитория, которую малейшими нюансами интонации, тембра голоса ты способен приковать к сцене, объединить в единое целое».

...Описав дугу, огромный стальной шар, подвешенный на цепи, врывается в крышу «Мороскоу». С отвратительным скрежетом лопаются балки, подминая ряды кресел.

«Отдал бы все, что угодно, дабы на самом деле быть суперменом, — говорит Кристофер Рив, тот самый, кто возродил недавно на киноэкранах «великого американского героя». — Я бы распылил этот шар, сокрушил его в порошок»...

Еще один скрежещущий удар заглушает его слова.

«Ну, хотя бы один кирпичик, — умоляет кто-то рабочих. Те не протестуют, хотя и посыпались уже эти просьбы со всех сторон. Приносят кирпичи,

найденные в обломках килы программки недавних постановок, хрустальные капельки с люстр, чудом уцелевшие в этой вакханалии разрушения».

Снести театры разрешил Верховный суд США. Разрешил вопреки протестам, вопреки многочисленным петициям, под которыми стояли подписи таких актеров и режиссеров, как Генри Фонда, Эд Аспер, Фрэнсис Форд Коппола, Джек Леммон, Керк Дуглас. Не только разрешил, но и санкционировал своим постановлением выплату 55 миллионов долларов из карманов налогоплательщиков на осуществление гостиничного проекта.

«Разве это не скандал!» — спрашивает, утверждает Брюс Уоррен, представитель «Экюти ассосейшн», своего рода профессионального объединения театральных актеров США. «Разве это не скандал!» — восклицает он. — 55 миллионов долларов на то, чтобы снести театры и создать на их месте очередной небоскреб, и гроши, обрекающие многие другие театры на финансовый голод и мучительную смерть от банкротства».

«Гроши» — это то, что фе-

деральное правительство ежегодно субсидирует через свои специальные фонды американским театрам и библиотекам, музеям и хореографическим коллективам, киностудиям и начинающим литераторам. «Гроши» — это то, во что Вашингтон оценивает американскую культуру и искусство. В восемьдесят третьем финансовом году субсидий будет еще меньше — составители проекта федерального бюджета позаботились об этом.

...«Рейганомика — это смерть (!)» — рефреном звучали эти слова в песне, которую пел, подыгрывая себе на гитаре, молодой парень на углу 45-й и Бродвей, как раз там, где через несколько дней от «Мороскоу» и «Хелен Хейз» осталась лишь ровная, припорошенная кирпичной пылью площадка.

А. ШАЛЬНЕВ,
корр. ТАСС — специально для «Советской культуры», НЬЮ-ИОРК.

● На месте разрушенного театра «Биджу».

● В песне этого молодого жителя Нью-Йорка есть слова: «рейганомика убивает культуру». Фото автора.

